

фактом, ведь подобная процедура не совершалась при переходе во франкское подданство крестьян¹.

Из всего числа ромеев, проживавших под властью латинских феодалов, полному «превращению» в вилланов подверглись только бывшие земледельцы-парики. Именно они, как следует из текста «Ассиз», находились под всеобъемлющей юрисдикцией высшей и низшей знати. В случае же самовольного оставления ими обрабатываемого участка каждый вассал морейского князя имел право на сыск беглецов², которое неоднократно претворялось в жизнь³.

В результате, исходя из представленных выше сведений, мы должны констатировать, что деление ромейского общества при латинском правлении не было двухчленным, а некоторые категории населения, отнесенные Д. Якоби к «вилланским», на деле таковыми не являлись. Наряду с архонтами, независимый статус был присущ православному духовенству и жителям крупных городов. Несвободным же с приходом франков стало преимущественно сельское население, состояние которого при новой власти имело определенное сходство с положением сервов в Шампани, Пикардии и Фландрии.

Н. И. Храпунов

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
(Симферополь)*

Не приметив Византию: средневековые памятники Крыма глазами иностранных путешественников рубежа XVIII–XIX вв.*

Как известно, государственная идеология Екатерины II уделяла особое внимание византийскому наследию, которое по мысли императрицы не только подчеркивало преемственность России от «греков» и тем самым их законное место в кругу «цивилизованных наций», но и оправдывала притязания на Северное Причерноморье и дальнейшее продвижение на юг. Однако присоединив в 1783 г. Крым, – регион с наибольшей концентрацией византийских памятников, – императрице не удалось сделать его византийское наследие центром всеобщего внимания. Усилия предпринимались: не случайно гербом Таврической области стал двуглавый орел с восьмиконечным крестом на груди, символизировавший, «что крещение во всей России чрез Херсонес произошло». Здесь «Херсонес» означал весь Крымский полуостров, ставший частью титула Екатерины II как «царицы Херсонеса Таврического». По указанию Г. А. Потемкина было определено местоположение города Херсонеса/

¹ The Chronicle of Morea / Ed. by J. Schmitt. L., 1904. V. 1648.

² Liber Consuetudinum. § 42.

³ *Карнов С.П.* Латинская Романия. СПб., 2000. С. 23.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–09–00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

Херсона, началась работа над первыми историями Крыма, в которых важным сюжетом было крещение киевского князя Владимира в Херсонесе.

Однако грандиозное путешествие императрицы на юг в 1787 г., кажется, проигнорировало византийское наследие Тавриды. В официальном путеводителе упоминаются отдельные «греческие» памятники и сюжеты, но история с крещением Руси не артикулируется и фигурирует в контексте Киева. Показательно, что Екатерина II не стала посещать развалины Херсонеса, в то время как, пребывая в Киеве, не упускала возможности подчеркнуть свою роль православной царицы. Мемуары ее спутников, прежде всего Ш. де Линя и Л. де Сегюра, передавшие настроения узкого круга императрицы, не раз обращаются к прошлому, однако к прошлому античному или ханскому.

В первые российские десятилетия Крым стал местом паломничества иностранцев, заинтересовавшихся экзотическим и почти неизвестным краем. Показательны энциклопедические труды П.-С. Палласа, Ж. Рёйи и Э.-Д. Кларка, записки Ш.-Ж. Ромма, «вымышленное путешествие» М. Гатри и другие сочинения. Но к византийским темам авторы обращались крайне редко, в отличие от античных, генуэзских и мусульманских сюжетов и памятников. Возможно, Византия оказалась «в тени античности» еще и потому, что интеллектуальная обстановка эпохи довольно критически относилась к христианству, а популярный труд Э. Гиббона не высоко оценивал Византию.

Путешественники создали более или менее подробные описания различных средневековых памятников – Херсонеса, части «пещерных» городов и монастырей, а также генуэзских укреплений Балаклавы, Судака и Феодосии, немало поспособствовав их превращению в туристические достопримечательности. Они зафиксировали то, что ряд памятников использовался не по назначению (склады и овчарни в искусственных пещерах Инкермана), другие разбирали на строительные материалы. Но путевые заметки не сообщают много нового об утраченных постройках – эту функцию выполняют рисунки путешественников.

В эпоху Просвещения генуэзцев, благодаря их успехам в торговле, считали носителем прогрессивного исторического начала. Им регулярно приписывали сооружение пещерных городов – Инкермана, Мангупа, Чуфут-Кале. Ф. де Миранда в 1787 г. «отыскал» генуэзскую кладку в оборонительных стенах Херсонеса, а Дж. Александер в 1829 г. – Мангупа. К. де Людольф в 1787 г. «обнаружил» генуэзские гербы на склонах Бахчисарайской долины, а Г. де Кастельно объявил «генуэзскими» мусульманские постройки Старого Крыма.

Разбирая вопрос о происхождении «пещерных городов», путешественники выдвинули ряд более или менее фантастических гипотез, связавших их с самыми разными жителями Крыма начиная с глубокой древности. Очень популярным было представление о том, что искусственные пещеры на вер-

шинах гор были свидетелями «всемирного потопа». Паллас же предположил, что пещерные монастыри соорудили бежавшие от преследований ариане, тем самым заложив основы историографической традиции, связавшей их происхождение с беглецами, впоследствии переосмысленными как иконопочитатели. Менее известен его вывод о параллелях с пещерными монастырями на материке. Независимо от него, Ш.-Ж. Ромм и С. Сестренцевич-Богуш обнаружили связь между крымскими монастырями и Киево-Печерским монастырем, причем Ромм связал это заимствование с крымским походом Владимира Святого.

В 1800 г. Э.-Д. Кларк счел свидетельством крещения Владимира херсонско-византийские монеты IX в. с литерой «В». С походом Владимира на Корсунь нередко связывали Феодосию-Каффу, причем Ш. де Бар в 1784 г. решил, что собор, где произошло крещение князя, впоследствии стал кафедральной мечетью города Султан-Селим-джами. Позднее, в 1832 г., Ф. Дюбуа де Монперё назвал ее генуэзским памятником начала XIV в. Другим эпизодом, свидетельствующим о поиске вымышленных связей Руси и Крыма, стали так называемые «походы Владимира Мономаха» на Херсон и Каффу. Основанные на неверных сведениях западных авторов XVI в. С. фон Герберштейна и Мацея Стрыйковского они стали частью «большого крымского нарратива».

Особого внимания заслуживают натурные рисунки, выполненные путешественниками. На них изображены археологические памятники, сохранность которых к нашему времени существенно ухудшилась. Помимо общеизвестных рисунков существуют почти не известные изображения, большая часть которых пока не введена в научный оборот. В этой группе – виды Чембало и Каффы на акварелях из коллекции Р. Уэрсли (1786 г.), чертежи и планы греческих и армянских церквей Каффы из альбома архитектора У. Хейсти (1798 г.), виды Чембало, Каламиты и Каффы кисти У. Хадфильда (1787 г.). То, что на рисунках представлены, главным образом, генуэзские и мусульманские памятники, объясняется, видимо, их лучшей сохранностью.

Нами выявлен хранящийся в музейном собрании альбом рисунков Р. Хебера (1806 г.) и Р.-У. Хея (1807 г.). Здесь представлены наброски ряда средневековых объектов, дополненные отрывками из дневников путешественников. Средневековые укрепления привлекли их особое внимание. Так, Хебер зарисовал общие виды укреплений Солдайи, Чембало, Каламиты и Каффы, а также, вероятно, крупнейшую в Каффе оборонительную башню Джиованни ди Скаффа. Хей выполнил несколько видов цитадели Каффы, изобразил тамошнюю башню Константина, а также общий вид Солдайи. Сохранность всех этих сооружений на рисунках существенно лучше, чем в наше время, в чем и заключается значение графических источников для архитектурно-археологических исследований и реконструкций.